

Жила я на Соломбале, в Адмиральской слободе. Хозяйка – Пульхерия Завалишкина мне фатеру сдавала об одном окне. У того окна я на машинке ручной строчила, на мамкином наследстве. А позади у меня две занавески были нажаты: за одной точчанчик, на котором я обреталась, а за вторым – мои мадамки передевались. Шила им платья да верхнюю одёжку. За всё бралась, кроме нижнего исподнего, потому что белошвейному делу не обучена: глаза не зоркие, а руки грубоватые.

Любой работы не боялась, но больше всего любила муштинский ремонт: карман к шинжаку или воротник, который в драке приятели поотрывали, приспособить. Дело быстрое и копейка мелкая, а муштины никогда торговались, не то, что мадамки. Потому на горсть мучицы и два яичка мне завсегда хватало. Иной раз Порфирий Солдаткин крикнет: «Маремьяна, дверь отвори, дура косяя!». Значит, рыбки мороженой принёс. Я у ней хвост, плавники и голову отрубала – и на супчик. А кусочки на сковородку, и мне ажно на три дня хватало. Ничего, что Порфирий пьяница, зато добренький. Жена, конечно, у него стервь поганая. Пришла раз ко мне и говорит: «Доколе ты Маремьяна, будешь мого мужика отбивать? От я тебе окна пешней рыбацкой да и посчитаю». А я ей говорю: «Чего их считать? Одно окно, да и то Завалишкиной. А она тебе не попустит». На том и ушла Солдаткина жена.

Хорошо, что Пульхерия Завалишкина на меня не сердчала. Добренькая баба, хоть и прохиндейка. Свахой на прокорм зарабатывала. Кофий по утрам с молоком пила, а когда и со сливками. Носила юбку плисовую и тужурку с искрой. У меня не обшивалась, в центр ездила, к портнихе мадам Люли. Мне иной раз мелкую штопку доверяла и за фатеру цену скидывала. И на том великое спасибошко.

Каждое утро у окна я мадамок поджидала, перешивала и перелицовывала. Завсегда в одну сторону мимо окна Афанасий ходил. На шее – шарф, один концом в кармане, а другим как собачьим хвостом по земле мёл. На драгом пальте с чужого плеча ни одной пуговицы. На голове малахай. Ох, чучелко! Афанасий всегда шёл медленно, на палку опирался. Когда мимо окошка моего проходил, то завсегда стучал, а я ему в ответ ладошкой махала. Когда он обратной дороге шёл, то снова в окошко постукивал. Поначалу я думала, что он так Христа ради просит, но когда пирожок выносила – не брал и руку отводил.

Афанасий всегда мне пуговицу приносил, знал, что я портниха. Где их только брал? Дня не было, чтобы пришёл пустой. Я этих пуговиц целую махотку накопила. А его самого Пуговичником прозвала.

Раз Пульхерия Завалишкина сказала мне мне:

– Чего это к тебе малохольный Афанасий таскается? Нету бокогрея, и это не жених.

А я ей ответила:

– Мало в вас жалости, Пульхерия Андросовна.

А она мне:

– Вся жалость, что богом мне отпущена, на тебе, дуре косой, кончилась.

С тем и поговорили.

Инда за Пуговичником бежали мальчишки и дразнили: «Старый Афанасий нос расквасил» или «Афанасий чёртов сын продал душу за алтын». Они его за шарф хватали, за пальтушку. А если шапку сбивали, то ногами в грязь топтали. Тогда он плакал и лицо рукавицей закрывал. Иной раз я не выдерживала, выскакивала и разгоняла дурачье:

– Пошли вон, паршивцы, вот будошнику на вас пожалуюсь!

А они хохотали и комками грязи кидались.

Люди говорили, что Афанасий был раньше по морскому делу, но в какой-то драке ему голову отшибли, и с тех пор он чучелкой стал. Купцы Замотаевы его приживалой оставили. Злые они были, иной раз напоят Афанасия бражкой, он совсем дурной становится: дорогу не помнит, блукает и воеет. А им смешно. По мне, так это не по-христиански, над малохольными издеваться. А что я им скажу? У них деньги и власть, по купецкому делу пристроены.

Как-то по осени Пуговичник мне принёс штучку: камушек мутный, а вокруг золотой ободок. Пуговичник мычит и сует в ладонь.

– Афанасий, заходи, чаю налью. Кишки погреешь.

Не зашёл. А я штучку в пальцах повертела – барская безделка, но не пуговица, и может денег стоить. Вечером спросила у Пульхерии, не видала ли она таковских.

– Сдаётся мне, что это барышня Куделькина потеряла. Я это семейство хорошо знаю, сосватала недавно её за полковницкого сына. Только как брошка на Саломбале оказалась? Вопрос не риторичный. А не мог твой Пуговичник скрасть?

– Что ты! – говорю, – бога побойся. Не таковский человек.

– Знаешь-ка, Маремьяна, я в такое дело мешаться не стану. Это не иначе барышня Куделькина к Карпушке бегала.

– Это не штурман разжалованный?

– Он самый.

– Говорят, до бабского полу охочий. Много цвету перепортил.

– То-то ж. Напишу тебе адресок. Сходи-ка сама к Куделькиным. Люди они порядочные. Денег дадут за брошку, потому что камень тут не иначе как аметист.

Тут же к вечеру я и пошла. Мимо церкви святого Мартина, мимо бани на самый конец острова, к наплавному мосту. За проход платить не стала: там как раз Порфирий Солдаткин в будке сидел: по заду шлёпнул да за тужурку ущипнул и вся недолга. А там уж близко до дома Куделькиных. Шла и зубрила наказ Завалишкиной, как в порядочном доме с барышней разговаривать: не тыкать ей, по матушке не упоминать, не гыгыкать, и в пол смотреть. Пришла: дом высокий, лестница чистая. На втором этаже в окошках герани всякие и котик фарфоровый.

На мой стук горничная открыла и тут же меня пузом с лестницы столкнула. Из открытой двери слышно, как на фортепьянах упражняются.

– Я к барышне Куделькиной. С докладом. Об нужном для неё деле.

– Не принимают они, хворые, – и посмотрела с прищуром.

– Тогда передайте барышне, что её потеря нашлась.

Горничная взяла брошку, в лице переменялась и перед носом моим дверью хлопнула, но вскорости возвратилась и сунула десять рублей серебром. Это ж мне месяц за машинкой не разгибаться! Я поклонилась и взяла, а горничная мне разговором за губу плюнула:

– Велено сказать, что барышня брошку не теряла, ошиблись вы адресом. А денег вам Христа ради дали.

И снова дверью хлоп! От, подумалось мне, недорого нынче девья невинность стоит. Захотелось приношение под ноги кинуть да вовремя раздумала: перед кем кичиться?

Шла я, помню тогда и мечтала: «Куплю себе материи всякой, сошью новое платье, а то уж совсем под грудями истлело. Со старого юбку перешью, наставлю верх из другой какой ткани, и будет мне смена. И Пуговичнику пальтушку залатаю. Десять рублей серебром – это вам не мышиный хвост. Ещё и останется».

Тем же путём пришла, а уже вечер, а Завалишкина к себе зовёт.

– Иди, милая, самовар горячий.

Сроду такой добренькой не была, сводня старая. Я заявила и без стеснения чай с блюдца дула, коврижкой чёрствой заедала.

– Что с брошкой?

– По дороге утерьяла. Шла по мостку через Кузнечиху, так меня какая-то толстуха толкнула, я из рукавицы брошку и выронила.

– Эх, распустяйка! – с досады Завалишкина прямо по столу ладонью хлопнула! Потом взглянула на меня искоса, – а не врешь ли? Чего долго шастала?

– С Порфирием Солдаткиным миловалась.

– Ладно, иди к себе, – и губы жопкой курячьей сжала.

На другой день сидела у окошка, а Афанасий всё не шёл – ни туда, ни оттуда. И на другой день, и на третий тоже. Стало сердце у меня тисками сжиматься, подумалось: точно Замотаевы напоили. Встала и пошла к ним напрямиком. Стучу в людскую. Повариха открывает и говорит:

– Чего тебя, Маремьяна, чёрт принес?

– Пришла спросить про Афанасия.

– Э, нашла об ком, об убогом. Похоронили с утра. Замёрз третьего дня. До дома не дошёл, в канавку свалился, так и нашли только на заре.

И тут я поняла, как так бывает, когда земля с небом мешаются. Стою, в глазах темно и мнится мне, как в лихоманке перед лицом: шарф собачьим хвостом, брошка барская, десять рублей серебром, Пуговичник в канаве с открытым ртом, а на нём уж мухи сидят.

Повариха не растерялась, взбодрила меня хлопками по щекам и на крыльцо посадила.

– Господи Святый, Господи Святый, – бормочу, – как так?

– Да так уж. Упокой душу, Господи. Да ты жена ему что ль, что убиваешься? – хмыкнула и пошла к своим кастрюлям.

И не стыдно мне за слёзы, пусть смотрят. Поплелась я прочь от дома Замотаевых, насилу дошла до пекарни. Купила сухарей на копейку. Могилку Афанасия на кладбище нашла легко. Серый от грязи холмик с деревянным крестом. Сухари раскрошила, слетелись синицы, стали Пуговичника поминать. И я его вспоминала: «Не дождался пальтушки новой, божий человек. Кто теперича обо мне подумает, кто пуговичку принесёт?».

На другое лето купила столбик известняковый, установила. Вырезали на нём: «Афанасий Пуговичник, усопший 13 сентября прошлого года». Как раз десять рублей серебром и ушли.

Пульхерия Завалишкина долго на меня обижалась, что я обдурила её подношеньицем барышни Куделькиной. Сказала как-то: «Дура ты, дура косая. Хоть бы на себя потратила, машинку бы справила новую, коль деньги лишние».

А я и сама знаю, что дура.